

Р. ФИРТ

СТРУКТУРА И ОРГАНИЗАЦИЯ В МАЛОМ СООБЩЕСТВЕ*

Социальный процесс удобно изучать конкретно в отдельном сообществе. Человеческое сообщество — это совокупность людей, участвующих в общей деятельности и связанных многочисленными отношениями таким образом, что цели любого индивида могут быть достигнуты только путем участия в действии совместно с другими¹. Один из важных смыслов этого термина подчеркивает пространственный аспект: люди, образующие сообщество, как правило, коллективно занимают какую-то территорию. Это придает их отношениям те непосредственность и близость, которые являются частью их особого качества. Жизнь такого сообщества, как видно уже из определения, имеет свою структуру и свою организацию. Углубляя анализ, мы можем выделить четыре составных элемента, существенно важных для социального существования в сообществе: социальное сцепление, средства социального контроля, социальные посредники и социальные стандарты.

Вся жизнь сообщества включает в себе какие-то методы группирования и ранжирования людей для эффективного осуществления различных типов деятельности, требуемых для общего существования. Это *социальное сцепление*, включающее «социальную

* Перевод выполнен по изданию: Firth R. Elements of Social Organization. L. 1951. P. 41-79.

¹ Одно из определений сообщества делает упор на общих интересах или целях. Их можно считать всегда в какой-то степени присутствующими. Однако они скорее мысленно выводятся, чем наблюдаются, и их лучше всего не включать в предварительное определение. Более того, интересы разных членов сообщества могут быть общими только на весьма поверхностном уровне, в то время как в глубине они могут расходиться или быть фундаментально противоположными.

Фирт Реймонд — видный британский социальный антрополог; автор признанных теоретических работ и полевых исследований, в том числе по экономической антропологии. С начала 60-х гг. XX века — председатель Ассоциации социальных антропологов Содружества.

структуру» в узком смысле слова, охватывает собой не только сплоченные группы более постоянного типа, в основе которых лежат пол, возраст и родство, но и объединения людей на базе таких общих целей, как работа или отдых. Кроме того, сюда входят разделение людей в сообществе по роду занятий, их сортировка по рангам и в ритуальной иерархии, а также их упорядочение по социальным роли и статусу. В сущности своей социальное сцепление — это упорядочение личного состава сообщества. Кроме того, жизнь сообщества включает в себе системы представлений и процедур, посредством которых может направляться и контролироваться деятельность. Средства социального контроля включают общую систему технического и эмпирического знания, с помощью которого люди в основном осуществляют воздействие на среду, а также системы с четко выраженным неэмпирическим компонентом, нередко высоко эмоционального характера, которые регулируют, в частности, магическое и религиозное поведение. Кроме того, сюда входят особые сформулированные комплексы правил этикета, морали, права, ритуала и «хартии» мифологии, как их назвал Малиновский, служащие обоснованием социального поведения.

Средства социального контроля — это регулятивные факторы в жизни сообщества. Эта жизнь требует материальной основы для деятельности и основы для коммуникации. Материальные блага, с одной стороны, и язык, с другой, образуют *социальные посредники*. Материальные объекты влияют на жизнь сообщества бесчисленным множеством способов. Они служат подспорьем в деятельности (например, орудия труда и транспорт), кристаллизуют и вбирают в себя затраты энергии, служат резервуаром усилий, направленных на удовлетворение будущих потребностей, являются объектом собственности, владения и передачи, объектом эмоциональных установок. Благодаря своей сохранности во времени они обеспечивают многочисленные связи с прошлым и тем самым являются для деятельности постоянными обуславливающими факторами. Язык предоставляет средство для выражения мыслей и эмоций. Как средство коммуникации, он передает смысл действия, служит заменой действия и побуждает к действию других. Более того, как и материальные объекты, он благодаря памяти функционирует как хранилище действия и знаний о действии. Таким образом,

язык и материальные блага предоставляют аппарат, посредством которого в сообществе воспроизводятся социальные отношения.

Жизнь сообщества включает в себе также систему стандартов, устанавливающих критерии для выбора деятельностей и суждения об эффективности их выполнения. Эти *социальные стандарты* представляют системы ценностей, находящих выражение в деятельности. Слову «ценность» придавали много разных значений. Однако для наших целей мы можем принять его как означающее ту предпочтительность, которая приписывается объекту исходя из связи между средствами и целями в социальном действии. Понятие ценности подразумевает оценку в соответствии со шкалой, или иерархией предпочтений. Оно предполагает прежде всего позитивные качества, некоторые идеи о желательности или важности. Наряду с идеационным компонентом каждая ценность содержит в себе эмоциональный заряд. Но ценности служат не только выражению чувств; они стимулируют и направляют поведение. Более того, они не существуют совершенно независимо друг от друга. Они образуют взаимосвязанную систему, хотя для разных индивидов и социальных групп в разной степени интегрированную. Классифицировать ценности трудно. Однако для целей, стоящих здесь перед нами, удобно рассматривать эти социальные стандарты предпочтений как применяемые в отношении шести основных типов качеств: технических, экономических, моральных, ритуальных, эстетических и ассоциационных. Возьмем простой пример — возможное их применение в ситуации, когда речь идет о пище. Технический стандарт применяется к ее приготовлению: скажем, насколько эффективно она готовится. Экономический стандарт применяется к ее ценности для обмена. Моральный стандарт может применяться в отношении уместности употребления пищи такого качества или даже потребления пищи вообще, когда другие люди, более нуждающиеся, ходят голодными. Ритуальный стандарт может применяться в отношении того, дозволена или запрещена эта пища той или иной религией, например, говядина для индуса, свинина для мусульманина или мясо для католика по пятницам. Эстетический стандарт применяется в отношении того, как преподносится пища: образцов ее цвета, формы и вкуса. И наконец, ассоциационный стандарт применяется к тому, какое влияние она оказывает на об-

щественные отношения; разделение трапезы за общим столом может иметь ценность для социального сотрудничества.

Исследования сообществ, по-разному акцентирующие такие аспекты, как социальное сцепление, контроль, посредники и стандарты, очень разнообразны. В них внесли свою лепту региональные бытописатели, исследователи народного творчества, географы, историки, сельские и городские социологи. Имена Мэна, Ле Пле, Парка и Берджесса, Сибомы Раунтри, Трэшера, Зорбо, Колба, Бруннера, Симса, Сэндерсона дают лишь самое общее представление о некоторых линиях подхода к сообществу с более специфически социальной стороны. Мы должны ограничиться упоминанием лишь двух моментов, имеющих непосредственное отношение к нашему анализу.

Первый касается важности того, что большинство социологов называют «первичными группами». Это небольшие по размеру группы — семьи, рабочие группы, группы соседей, игровые группы, — члены которых находятся в своей повседневной жизни в тесном личном контакте. Такие группы первичны в том смысле, что являются наименьшими по размеру типами кооперативных единиц в обществе, кирпичиками, из которых складывается фактура сообщества. В какой-то степени можно рассматривать их как первичные и в онтогенетическом смысле, поскольку в их число входят группы, в которых развивается личность каждого ребенка как члена общества.

Такие первичные группы, с социальной точки зрения, жизненно важны. Они предлагают множество типов личного удовлетворения — предоставляя возможности для ощущения безопасности в условиях поддержки группы, для осуществления власти над другими, для проявления мастерства и мельчайшей изобретательности в приспособлении вещей к непосредственным групповым нуждам, для получения удовлетворений морального порядка через проявление любви и самоотверженности. Они необходимы также для сотрудничества в экономической и других областях. Над простейшими первичными группами надстраиваются другие группы, обладающие более сложным и формальным характером, хотя четкую разделительную линию между ними провести нельзя. Даже когда к таким группам прикладывается элемент организации, они все-

таки сохраняют в значительной мере свой спонтанный, личный характер. Игровые клубы, литературные и драматические кружки, местные отделения профсоюзов, обычные рабочие бригады, помимо их официально заявленных целей, имеют и другие социальные функции. Их членов объединяет более чем одна связь; они познают больше, чем сугубо функциональные характеристики друг друга. Это упрочивает их общее действие.

Силу групп, построенных на первичных узах соседства, показывает нам организация местных сил защиты от воздушных налетов в Британии во время войны. По техническим причинам, с целью обеспечения людских ресурсов и их быстрой мобилизации, относительно обособленный, почти анонимный индивид, живущий в собственной или арендуемой городской квартире, вдруг оказался вовлечен вместе со своими соседями в уличную пожарную команду. И это было настоящее прочное общественное объединение. Этот тип организации, опиравшийся на местное сообщество, способствовал в пределах каждого района его функционирования эффективному сотрудничеству, аннулируя классовые и иные принадлежности и обеспечивая повышенные личные контакты в малых группах. Огонь и бомбы угрожали соседству и вызвали со стороны соседства такую реакцию. Этот тип организации мог быть в равной степени ценным и в другое время, вне сферы его непосредственного технического применения. Общие переживания во время работы — трагические, комические, да и просто обыденные; совместный отдых, часто складывающийся в нерабочее время, будь то состязания в метании дротиков или выращивание овощей, — все это способствовало сохранению и удержанию личных ценностей и поддержанию морального духа в условиях напряжения, вызванного войной.

Такие первичные и сплоченные маленькие группы чрезвычайно важны для социальных процессов в более широком поле. В демократическом обществе для внедрения программ необходимо, в конечном счете, согласие индивида. Его согласие не рождается просто из глубины его как изолированной рационально рассуждающей сущности; оно не формируется в нем просто тем, что он читает в газетах или слышит по радио. Оно кристаллизуется в ходе обмена мнениями с другими людьми в семье или других малых

группах. Оппозиция планированию социальной жизни, по-видимому, нередко базируется в той или иной степени на реальной или воображаемой угрозе существованию и интересам этих малых групп, члены которых поголовно знают друг друга и действуют исходя из этого знания. Чего они боятся? Они боятся угрозы анонимности. Чувствуется, пусть даже и не вполне ясно, что личный контакт при принятии решений есть нечто незыблемое, незаменимое и необходимое в жизни общества. Считается также, что эти маленькие социальные единицы смешивают разные виды обязательств и стимулов таким образом, что, осуществляя свои партикулярные цели, получают широкий спектр удовлетворений.

Одна из задач поддержания благосостояния в современном обществе заключается в том, чтобы выявить наиболее важные функции первичных групп и поддерживать их, когда это возможно. В качестве иллюстрации можно взять дискуссии о роли, которую играют родители в воспитании ребенка. С этим связана задача выявления других наиболее важных малых социальных групп и поддержания и развития их, дабы они давали место сосредоточения и русло для деятельности их членов. В то же время им надо дать возможность изменить свое узкогрупповое поведение, насколько это необходимо, чтобы плавно вписаться в рамки более широких организаций жизни сообщества. Но тут-то и возникают фундаментальные расхождения в точках зрения. С одной стороны, имеет место поддержка семьи во всех ее функциях, включая политическое и религиозное воспитание, большинством западных систем, в т. ч. христианской церковью. С другой стороны, в регионах, где возобладал коммунизм, как, например, в Китае, влияние семьи принижается, так как противопоставляет интересы малых групп интересам нового общества в целом.

Второй момент, который мы далее рассмотрим, — это значимость, часто придаваемая малому сообществу как таковому. Рост масштабов организации в современном мире и необходимость использования крупных единиц для многих типов эффективного социального действия вели к уменьшению сферы влияния малого сообщества — например, деревни. Тем не менее часто утверждается, что существование небольшого сообщества полезно, причем не только в качестве сохранения традиционных форм, но и в каче-

стве средства личностного развития и социальной интеграции. Эта точка зрения лежит в какой-то степени в основе экспериментов в области экономики и образования; во многих частях Англии уже осуществляется обеспечение малых сельских сообществ коммунальными услугами. В частности, она лежит в основе аргументов, выдвигаемых людьми вроде А.Э.Моргана в США². Инженер по профессии и просветитель по духу, он проникся убеждением, что малое сообщество — необходимый элемент хорошей жизни и даже самого выживания нашей западной цивилизации.

Утверждая, что современный человек околдован обманчивым блеском крупных величин и так называемой эффективностью массового производства и централизации, Морган считает, что малая сплоченная группа, ограниченная кругом близко знакомых людей, остается первичным образцом для общества и единственной надеждой на спасение. Современное общество требует гораздо большего, чем может дать один только образец малой группы. Это Морган признает, чего и следовало ожидать ввиду его инженерного опыта. Он допускает необходимость крупной организации и широкого контроля, а также применения могущества масс для удовлетворения широких и изменчивых нужд сегодняшнего общества. И все же он считает, что они не должны главенствовать над индивидуальной личностью, которой тип организации, характерный для кооперативного малого сообщества, жизненно необходим как источник, из которого можно почерпнуть то, что он называет хорошим руководством и правильными ценностями. Такие аргументы часто туманны и нашпигованы не проговоренными ценностными суждениями. Они часто не уделяют должного внимания сложности обеспечения адекватной экономической основы малого сообщества и игнорируют элементы трения и нестабильности в его предполагаемой классовой структуре. Между тем, акцент на социальной важности групп, которые обеспечивают контакты лицом-к-лицу, сочетается с объективными открытиями социальных психологов и социологов.

Во многих научных исследованиях сообщества, проведенных

² Ср.: Thomas F. G., *The Changing Village, An Essay on Rural Reconstruction*. London, 1939; Morgan A. E., *The Small Community, Foundation of Democratic Life, What it is and How to Achieve It*. New York and London, 1942.

на Западе, выявлены относительно недифференцированный характер малого сообщества, его прочная социальная солидарность и тесная интеграция его социальных, экономических и иных видов деятельности. Такое сообщество не единообразно. Джеймс Вест в своем исследовании сообщества Плейнсвилл численностью 275 человек выявил не только значимые ролевые и статусные различия, но и то, что он назвал системами дискриминации. В организации жизни сообщества важны демографические факторы. Сам его размер обычно определяет как количество, так и качество социальных отношений. Высокоразвитая специализация ролей и разделение отраслей экономики в сфере производства и распределения здесь невозможны. Отсюда большое число личных отношений. На выбор оказывает влияние множественность отношений между людьми. Разные типы первичных групп обычно совпадают или в значительной степени перекрещиваются. Члены одной семьи скорее всего будут оказываться в одной и той же церкви, в одной и той же школе, обнаруживать себя занятыми бок о бок одной и той же работой, находиться в одних и тех же рекреационных группах и, возможно, находить себе супругов, которые и так уже приходятся им родственниками и связаны с ними. Такое совпадение помогает смягчить то столкновение между ценностями дома и школы, трудовой команды и церкви, которое довольно часто происходит в высокодифференцированном крупном сообществе.

Изученные антропологами малые сообщества Африки, Океании и прочие демонстрируют это тесное переплетение всех сторон социальной деятельности. Они социально компактны. Например, экономические, ритуальные и досуговые мероприятия часто бывает трудно вычленивать из сложной институциональной последовательности событий, такой, как посвятельная церемония, праздник урожая или даже похороны. Сплоченность сообщества, хотя и меняется в зависимости от таких структурных факторов, как система группирования родственников, ранг и религиозные узы, обычно велика. Вместе с тем простор для социальной дифференциации в этих сообществах обычно гораздо шире, чем в малом сообществе Запада. Общая степень дифференциации не обязательно выше, поскольку многие виды экономической и политической специализации не допускаются. Но большое разнообразие структурных упоря-

дочений в группировании родственников, возрастном ранжировании, акцентировке пола и старшинства и формализации многих отношений, которые на Западе остаются неформальными, обеспечивает наличие множества едва уловимых различий в социальном положении членов сообщества. Самое крошечное меланезийское общество может иметь сложную клановую структуру. Она будет разделять роли мужчин в трудовой группе, запрещать некоторым из них есть один вид пищи, а иным — другой, распределять между ними роли в детальнейшем упорядочении принесения и получения подарков на свадьбе и диктовать, какую землю каждый из них будет обрабатывать. На это могут накладываться, в свою очередь, остальные структурные элементы, основанные на соединении ранга и богатства, и присоединяться детально продуманные привилегии в пользовании какими-то частями клубного дома. В главе I* мы уже ссылались на значимость отношений с братом матери в сообществах Океании. Формализация этого и других родственных отношений, таких, как с сестрой отца или с кросс-кузенном, вносит дополнительную лепту в процесс социальной дифференциации. Социальное положение меланезийца в его сообществе можно определить, так сказать, путем наложения друг на друга ряда карт: клановой структуры, правил заключения брака, пищевых табу, ступеней ранга и богатства, секций клубного дома и родственных ролей. По сравнению с положением члена западного сообщества, положение меланезийца демонстрирует более острую социальную дифференциацию. Аналогичные структурные элементы существуют также и на Западе, но там они в целом менее формализованы и более открыты для того, чтобы индивид, ими затронутый, мог их изменить.

Теперь внесем точность в понятие малого сообщества, каким его изучают антропологи. Большинство антропологов, готовясь к полевой работе, отбирают как единицу общего обследования, так и единицу личного наблюдения. Первой обычно является какая-нибудь племенная или иная культурная группа, и она может быть почти любого размера — до десятков тысяч человек. Ее границы очерчивают территорию, к которой, как ожидается, будут применимы

* См.: Фирт Р. Значение социальной антропологии // *Личность. Культура. Общество*. 2001. Т. III. Вып. 1(7)–2(8). (Прим. ред)

выводы ученого. Эта единица общего обследования иногда обхаживается ученым вдоль и поперек для выявления единообразия и изменчивости обнаруживаемой в ней практики. Однако весомость анализа зависит от единицы личного наблюдения. Последняя, отбираемая с расчетом на то, что она будет иметь репрезентативный характер, обычно охватывает не более 1000 человек, а часто гораздо меньше. Эта единица подвергается систематическому изучению на протяжении значительного промежутка времени с целью выяснить во всех подробностях социальные отношения между как можно большим числом людей. Внутри нее могут быть выбраны одна или несколько подгрупп для интенсивного анализа; обычно в их число попадают домохозяйства, с которыми исследователь имеет наиболее близкий повседневный контакт. В некоторых случаях единица общего обследования и единица личного наблюдения имеют тенденцию совпадать. Так обстояло дело с моим исследованием на Тикопии. На этом маленьком острове площадью в несколько квадратных миль и с населением около 1300 человек почти все основные занятия людей можно было наблюдать непосредственно, «из первых рук», в их общих сборищах и семейных делах. В качестве контраста можно привести исследования ашанти Золотого Берега (Форте и его коллеги), исследование суданских нуэров (Эванс-Притчард), исследование тсвана в Бечуаналенде (Шапера), а также мою работу и работу моей жены о прибрежных малайцах Келантана. В этих случаях не было возможности изучить вплотную более чем небольшую часть сообщества. С методологической точки зрения, глубина разрыва между единицей общего обследования и единицей личного наблюдения важна, ибо исследователь, желающий, чтобы его обобщения были применимы к более широкому сообществу, должен быть уверен, что единица, отобранная им для непосредственного изучения, достаточно репрезентативна³. Кроме того, это различие может отражаться в структурных и организационных связях.

³ В исследовании домашней организации у ашанти Форте утверждает, что два отобранных им сельских ареала с населением 900 и чуть более 4000 человек, видимо, включали большинство вариаций, наблюдаемых вне крупных городов и промышленных центров. Шапера утверждает, что в условиях, подобных тем, которые представляют тсвана, полевой исследователь должен или использовать какой-нибудь метод выборки, или допустить, что собираемые им данные могут быть искаженными. — *Social Structure: Studies Presented to A. R. Radcliffe-Brown*. Oxford, 1949. P. 61 (M. Fortes), 106 (I. Schapera).

Малое сообщество, являющееся единицей личного наблюдения, бывает двух типов: интегральное сообщество и секционное сообщество. Интегральное малое сообщество, такое, как сообщество Тикопии, структурно самодостаточно. Система кланов и других родственных единиц, языческая религиозная система, политическая система вождей и их сторонников изначально независимы от внешних социальных упорядочений. Секционное малое сообщество, в свою очередь, структурно является частью более широкой сущности. Клановое членство, религиозная система или высшая политическая власть являются для него общими с другими сообществами того же рода. С уменьшением степени личного контакта в совокупности жизни сообщества становятся необходимыми другие формы организации. Когда уже невозможна в прежней степени личная встреча, в поле выбора входит большее число неизвестных, местная автономия сужается, а техники трансляции принимаемых решений сами по себе требуют дополнительных организационных ролей. Это имеет не только политическую значимость: это может радикально повлиять на экономическую организацию, например, через стимулирование роста класса середняков.

Между тем, обособленность любого сообщества в наши дни не более чем относительна, и даже далекая Тикопия не совсем самодостаточно. Она связана некоторыми ограниченными отношениями, приводимыми в действие с большим временным интервалом, с соседним островом, удаленным от нее на семьдесят миль, отделенным от нее открытым океаном и имеющим даже еще меньшую численность населения. Существуют кое-какие родственные связи между ними, а также сознание того, что эти люди имеют похожую социальную систему. Но это не делает Тикопию секционным сообществом. Жители острова не зависят от соседей в удовлетворении собственных нужд. Их социальные системы связаны друг с другом лишь периферийно — связями, которые оказывают воздействие лишь на немногих индивидов. Более значимы для структурной целостности сообщества Тикопии его контакты с западным миром. Как часть Британского протектората Соломоновых островов, это сообщество имеет несколько смутное осознание внешнего управления. Как сообщество, находящееся в сфере влияния Меланезийской Миссии, оно подверглось некоторым

религиозным влияниям, в результате чего к тому времени, когда я приехал на остров, половина членов сообщества номинально стали христианами. Однако в своей религии, как и в своей политике, тикопийцы продолжали придерживаться в высокой степени локализованных образцов, при минимальной степени внешнего вмешательства или интереса. Это пограничный случай очень типичного для малого сообщества явления: отсутствия совпадения между действующими сферами организации. Тикопийскому христианину, почти во всей своей социальной жизни полностью зависящему от соплеменников, для окончательного принятия его религиозной доктрины и идеалов нужен стимул, идущий от внешней группы: его социальная и религиозная системы совпадают не полностью. Таким же образом малайский рыбак на Келантане в какой-то степени зависит в обеспечении себя средствами существования от рынка сушеной рыбы на Сингапуре, на котором управляют китайцы; в своих же религиозных удовлетворениях он полагается в какой-то степени на мусульманскую систему, первоисточник которой находится в Мекке. Там, где существует заметное расхождение между действующими сферами организации, члену малого сообщества может быть очень трудно справиться со следствиями нарушения равновесия в более широком ареале — и даже понять эти следствия...

Для анализа процессов социальной организации в малом обществе я предлагаю воспользоваться примерами из жизни Тикопии.

Во многих отношениях это сообщество является противоположностью любому известному в западной цивилизации. В географическом плане остров представляет собой крайне изолированный, находящийся на расстоянии более 100 миль к юго-востоку от гряды Соломоновых островов, затерявшийся в просторах Тихого океана одинокий древний вулканический кратер, куда люди из внешнего мира навевываются в среднем примерно раз в год. В техническом плане культура этого сообщества чрезвычайно неразвита. Люди пользуются некоторыми орудиями из стали, полученными в подарок или по бартеру с заходивших сюда европейских судов, однако они являются здесь редкостью и рассматриваются как драгоценность; они почти полностью ограничиваются топорами,

теслами, ножами и рыболовными крючками. Дома местных жителей и их каноэ строятся без гвоздей; вместо них используются крепкие веревки из сплетенных волокон кокосового ореха. Ситцевая одежда, которая у них есть, надевается в основном по праздникам или используется в качестве религиозных приношений их богам, а люди до сих пор носят свою традиционную одежду, сделанную из волокнистой внутренней коры бумажной шелковицы. Их каноэ невелики, грубо обработаны, рассчитаны максимум на шесть-семь человек и незаменимы для рыболовства, но очень рискованны для океанских плаваний, в которые они иногда пускаются. Внедренные ими железные орудия существенно облегчили труд, связанный с обработкой древесины и расчисткой кустарников в сельском хозяйстве, а также позволили им значительно увеличить уловы рыбы. Во всех иных отношениях они практически самодостаточны. За исключением этих орудий и немногочисленных лакомств вроде сахара, которые им изредка переппадают, все, что они потребляют, они производят сами. Им практически нечего экспортировать — за исключением нескольких соломенных подстилок, вееров и кокосовых орехов, которые им удается наскрести общими усилиями для бартера, когда приходит корабль. В 1929 году они не использовали денег и не различали относительного достоинства европейских металлических монет, которые видели⁴.

Когда речь идет о таком небольшом сообществе со скудными ресурсами, это означает, что в каких-то аспектах оно относительно не дифференцировано, особенно по западным стандартам. Небольшая численность населения означает отсутствие широких рынков товаров и возможностей для диверсифицированной занятости. Люди имеют сложные системы взаимных обменов, но они служат скорее социальным, нежели собственно экономическим задачам. Специалистов, постоянно занятых в производстве, и развитого среднего класса (*middlemen*) нет. Индивидуальные производители не способны сколотить из своих прибылей солидные ка-

⁴ Анализ общества Тикопии опубликован в различных книгах и статьях. См., например: We, The Tikopia: A Sociological Study of Kinship in Primitive Polynesia//London, 1936; A Primitive Polynesian Economy, London, 1939; Work of the Gods in Tikopia London School of Economics Monographs on Social Anthropology. 2 vols. London, 1940; Totemism in Polynesia//Oceania. I. Sydney, 1931.

питалы и открыть крупные предприятия нового типа. Нет класса рантье, или капиталистов. Обычно социальные и экономические отношения сливаются воедино, как в средневековой Европе. Более того, отношения между производителями или между производителями и потребителями определяются не денежной связью, а родством. В этой связи уместно классическое выражение Мэна: отношения, как правило, определяются статусом, а не договором.

Здесь нет ничего, что походило бы на состояние благородной гармонии, которое все еще иногда постулируют как прирожденное право естественного человека и романтически переносят на жизнь таких относительно примитивных сообществ. На Тикопии нет ни великого благосостояния, ни вопиющей нищеты. Люди знают, что их ресурсы невелики, а их прибавочный продукт настолько мал, что ураган или засуха могут принести голод. Между тем, обычные каноны гостеприимства предполагают, что никто не должен ходить голодным, пока в чьем-нибудь доме есть пища, которую его можно пригласить разделить. Жители Тикопии остро сознают свое культурное единство и свою особость. Они строго чтят свои институты и верят в правильность своих общих ценностей. Члены сообщества связаны друг с другом множеством взаимно переплетающихся уз. Этим узам дается выражение в их общих праздничных событиях, когда «вся земля» (как они сами себя называют) собирается на танец или на торжественное пиршество, устраиваемое вождем. Однако есть в сообществе и очевидные черты структурной дифференциации, а также соответствующие им чувства зависти и раздоры — отчасти напускные и церемониальные, отчасти же наполненные подспудной злонамеренностью.

Структурная основа этой социальной дифференциации сложна, хотя в ней нет ничего необычного даже для такого маленького сообщества. Во-первых, она включает в себе разделение сообщества на два основных географических района, каждый из которых имеет свое название и свое особое место в традиции и мифе. Между этими районами существует соперничество — в ловле летучей рыбы, в танцах, в бросании дротиков и во многих аспектах повседневной жизни. Оно выражается не только в сравнении достижений, но также в хвастовстве и злословии. Пришествие христианства, которое к 1929 году было принято одним районом, но не было

принято другим, как выразило, так и интенсифицировало этот антагонизм. Во-вторых, социальная структура основана на клановых и родственных разделениях. Здесь есть четыре основных единицы — клана, — выполняющих важные социальные и ритуальные функции. В какой-то степени противостояние районов выражается и воспроизводится в проявлениях зависти и ревности между кланами. Но хотя члены кланов в какой-то мере локально сосредоточены в разных деревнях, это верно лишь в ограниченной степени, и смешение мест их проживания помогает смягчить интенсивность локальных раздоров. Каждый клан состоит из нескольких крупных родственных единиц, относящихся к тому типу, который общеизвестен как линидж⁵. Жители Тикопии называют их «домами»; в этом термине подчеркивается, что они образовались, в конечном счете, на базе простой семьи. Тикопийские линиджи патрилинейны; членство в линидже прослеживается через отца по мужской линии вплоть до исходного предка мужского пола⁶. Сцепление линиджей — важный элемент в тикопийской социальной структуре. Хотя, в отличие от многих других систем линиджей, оно не регулирует заключение браков, оно служит фундаментом для землевладения и землепользования, обеспечивает значимые группы для многих видов обмена благами и услугами при заключении браков, на похоронах и в церемониях инициации, а в рамках клановой структуры ему отводится основная роль в религиозной системе. Старший мужчина в каждом линидже действует как его главный представитель в общественных делах. В частности, он занимает особый пост ритуального старейшины, ответственного за сохранение должных отношений его группы с предками и богами, от которых, как предполагается, она произошла. Эта функция, вы-

⁵ В предыдущей публикации я называл их *ветвями* (*gamages*), дабы подчеркнуть в большей степени не линию происхождения, а их сегментирующий характер и производимое ими разветвление. Отличительной особенностью полинезийской разновидности линиджа является ее не-экзогамный характер, противоположный экзогамии обычного африканского линиджа.

⁶ Связь некоторых линиджей с корневым «домом», дающим название клану, поддерживается через женщин, но патрилинейный принцип этим не отменяется. То же касается и не-экзогамного характера линиджа; хотя брак внутри «дома» возможен, а человек связан с другими членами своего линиджа как через отца, так и через мать, именно связь через отца (и только она) является значимой для членства в этой единице.

полняемая как в частных, так и в публичных обрядах, считается и привилегией, и в то же время долгом.

Третий основной элемент — структура власти (*authority*), выраженная прежде всего в позиции вождей. В каждом из четырех кланов имеется свой лидер, в обращении к которому используется титул, означающий «вождь». Этот мужчина также является *de facto* главой первичного линиджа, дающего свое название клану. Статус вождя поддерживается не столько его старшинством по рождению (его, возможно, выбирают из нескольких подходящих кандидатов), сколько тем могуществом, которое доверено ему в религиозной сфере. Его считают обладателем тайного знания, позволяющего оказывать влияние на внушающих страх клановых богов, и он является основным посредником между ними и людьми. Четыре вождя иерархически ранжированы, что выражается в последовательности, в которой они выполняют ритуал во время общественно значимых событий, в том, как они рассаживаются, когда собираются вместе, и в том порядке, в каком перед ними раскладывают пищу и другие дары. В то же время они и их ближайшие родственники по линиджу образуют признанный класс «главных домов», отличающихся от «домов» простых членов сообщества разными привилегиями, особенно отчетливо наблюдаемыми во время личных трений и стычек. Они отделяются от простых людей мифами о происхождении от предков, разным доступом к власти и влиянию и, в известной степени, запретом на заключение браков (хотя этот запрет существует скорее в теории, чем на практике). В былые времена вожди даже проповедовали простым людям ограничение семей в качестве религиозного требования с открыто выраженной целью сберечь запасы продовольствия. Несмотря на личные чувства зависти и структурные антагонизмы, проистекающие из их положения во главе кланов, эти четыре лидера старательно поддерживают в отношениях друг с другом на публике видимость уважения и хороших манер. Каждый пользуется огромным влиянием среди членов своего клана и в случае необходимости осуществляет автократическое правление, на которое никто открыто не жалуется⁷. Его власть в некоторых обстоятельствах

⁷ Его последствия смягчаются конвенциональными механизмами. См. мой очерк «Власть и общественное мнение в Тикопии» в: *Social Structure: Studies Presented to A. R. Radcliffe-Brown.* / Ed. by M. Fortes. Oxford, 1949. P. 168-188.

признается также членами других кланов. Слитый воедино в «волну вождей», их общественный вес неотразим. Здесь, как и везде, их власть опирается на высшую религиозную санкцию. Считается, что земная власть кроется в обладании духовным оружием.

Четвертый элемент в структуре сообщества Тикопии — распределение богатства. Из предшествующего описания должно быть ясно, что речь идет в сущности о распределении земли. Однако это скорее изменчивый структурный элемент, нежели фиксированный. Неравномерный рост разных семей, изменяя пропорции «человек—земля», из поколения в поколение оказывает влияние на контроль родственных групп и индивидов над богатством. Поэтому на Тикопии неравенство ранга сопровождается неравенством богатства, хотя при этом с ним не совпадает. Вождь имеет титульный контроль над всеми землями членов своего клана и получает с них небольшой доход в виде церемониальных даров, в частности, первых плодов нового урожая. Однако среди простолюдинов есть главы линиджей, более богатые земельными ресурсами, чем некоторые вожди.

Стало быть, здесь, в этом маленьком сообществе, насчитывающем чуть более 1300 человек, есть структурные основания для сложной дифференциации людей: локальные подразделения, десцентные подразделения, подразделения по рангу и подразделения по уровню богатства. Кроме того, есть множество других различий, связанных со структурой системы родства. Отношение отца с сыном классифицируется жителями Тикопии как относящееся к «тяжелой» категории; оно отмечено официальным уважением младшего к старшему, наложением табу на сквернословие и причинение вреда голове или телу, а также общепринятыми причитаниями в том случае, когда старший физически покалечился. Этот тип поведения распространяется не только на настоящих родственников, но также и классификационных. Аналогичные формализованные отношения, поразному акцентирующие аспекты ограничения и свободы, опеки, помощи и поддержки, связывают человека с сестрой его отца, братом его матери, его кросс-кузенами и его родственниками по браку. Эти отношения сбалансированы таким образом, что образуют согласованную, взаимосвязанную систему, благодаря которой каждый член тикопийского сообщества находит уже определенными свои социальные обязательства и привилегии. Более того, они насквозь

пронизывают собой другие структурные элементы. Таким образом, они смягчают социальные напряжения и служат могущественными факторами социальной интеграции. Родственные связи, приводимые в действие в формальных и неформальных обстоятельствах, помогают прикрыть классовый разрыв между семьями вождей и семьями простолюдинов, перегруппировывают и собирают воедино людей из разных районов, кланов и линиджей и даже помогают сгладить острые стороны неравенства в благосостоянии.

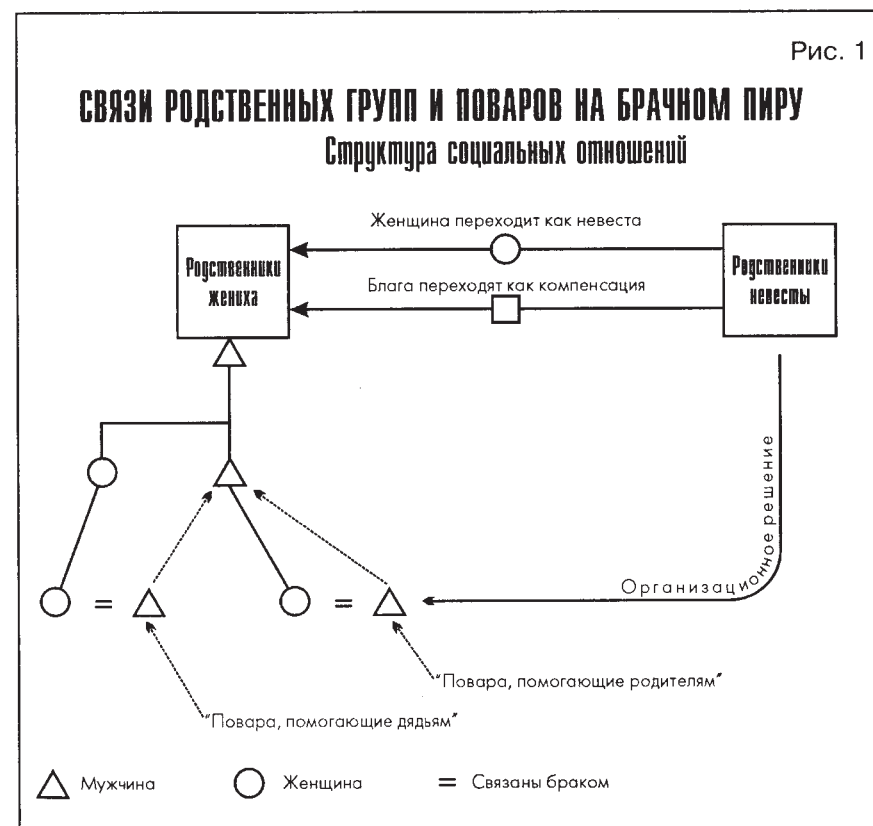
Социальная структура, стало быть, не просто накладывает ограничения на свободу действий; она предлагает положительные преимущества индивиду, живущему в соответствии с ее принципами. Я намеренно использую выражение «*живущему в соответствии*». Некоторые элементы в социальной структуре жестко фиксированы; индивид не властен менять свою позицию по отношению к ним. Его членство в линидже и клане, в классе простолюдинов или вождей не подлежит изменению. Правда, как и все элементы социальной структуры, оно существует лишь благодаря общему признанию соответствующих социальных стандартов. Если бы Тикопия была другим типом сообщества, может быть, человек и имел бы возможность покинуть свой линидж и клан и быть принятым в другой либо благодаря своему трудолюбию, бережливости и экономическим дарованиям подняться из класса простолюдинов в класс вождей. Но если бы такая радикальная перемена места была возможна, общество бы уже не было тем же самым. С другой стороны, на Тикопии человек может легко покинуть свой нынешний дом и перебраться на другую сторону острова, в другой район. По истечении некоторого времени, когда он там приживется, он и его потомки признаются членами района. Такая дозволенная перемена лояльности означает, что присоединение к району является одним из гибких элементов в социальной структуре, где возможно альтернативное действие. Что невозможно, так это чтобы человек вообще не предпринимал никакого действия. Он должен жить в согласии со структурными принципами локальной группировки, но, в отличие от собственного положения в линидже, он может выбирать, к какой группе ему присоединиться. В терминах вербовки в группу или приписывания к ней можно говорить об автоматическом фиксированном приписывании к линиджу и автоматическом, но добровольном приписывании к району.

В родственных отношениях, в отличие от отношений, обусловленных линиджем, приписывание осуществляется автоматически, если брать в расчет только генеалогическое положение индивида. В подавляющем большинстве его родственных связей права и обязанности устанавливаются от рождения. Но не полностью. Он может отказаться подчиняться тому, что принято включать в круг обязательств, соответствующих некоторому родственному статусу (статусу отца, зятя, сына). Более того, поскольку система родства распространяется на родственников, находящихся за пределами ближайшего семейного круга, и включает их в рамки семьи в «классификационном» стиле, индивид в какой-то момент может даже решать, принять ему данный родственный статус или нет. При этом он не просто решает не вести себя так, как должен вести себя зять; он отказывается *быть* зятем. Как может происходить такое? Очень просто — в тикопийской структуре родства. Если мужчина женится на женщине из своего линиджа, то ее братья обычно становятся ему шуринами. Обычно его братья принимают такой же статус по отношению к ее братьям, и вся группа мужчин участвует в этом общем взаимоотношении. Но если женщина берет в жены из линиджа своего мужа, то ее братья будут и так уже связаны тесным родством с братьями этого мужчины. Его братья могут быть не готовы пожертвовать этой связью и принять на себя новые обязательства и статус. Они могут сказать ему: «Ты оставляешь своих шуринов одинокими». Следовательно, они отказываются подчиняться структурным следствиям акта, являющегося одним из важнейших творцов социальных связей. В социальном порядке существуют, таким образом, ситуации, в которых допускается выбирать социальное присоединение. Такой выбор и его последствия являются частью социальной организации.

Поясним этот организационный аспект на одном примере. Структурные отношения, возникающие на Тикопии по случаю заключения брака, требуют, чтобы родственники жениха принесли в дар родственникам невесты продукты и драгоценности и чтобы последние были между ними поделены. Однажды я заметил, что одному родственнику невесты — это был один из патрилинейных родственников ее матери — не досталось в подарок ничего. Мне объяснили, что взамен этого он пришел как повар в дом родни

жениха. Почему он должен таким образом отказаться от права на долю в свадебных подарках, послужит иллюстрацией связи между организационными и структурными принципами (см. рис. 1).

Мужчины и женщины на Тикопии выполняют разные роли в работе по приготовлению пищи к свадебному пиру. Однако среди мужчин существует структурное разделение, в котором каждая секция помечена особым названием. Есть «повара, которые помогают родителям», которые приходят, потому что их жены являются дочерьми мужчин из соответствующего главного линиджа. Есть также «повара, которые помогают дядьям», которые приходят, потому что их жены — дочери женщин, вышедших замуж из этого линиджа поколением раньше. Это дочери дочерей мужчин из главного линиджа, или, как тикопийцы предпочитают их называть,

«священные дети» находящихся здесь братьев их матерей. Эта структурная атрибуция простирается еще дальше — «до тех пор, пока признается отношение с братом матери», — и существенно выходит за пределы непосредственных кровных уз в классификационную сферу. Итак, акцентирование этого структурного принципа важно для организации дел.

Приготовление пищи на Тикопии — одна из основных регулярно выполняемых работ. В случае церемонии, требующей приготовления особой праздничной еды и вовлекающей большие группы людей, оно разрастается до размеров главной задачи. В тропическом климате это тяжелая и неприятная работа. Поэтому экономическое сотрудничество не отдается на волю случая, простой человеческой отзывчивости или даже притягательных качеств прямого стимулирования такого труда в форме оплаты. Оно ставится на абсолютную и безотказную, по всей видимости, основу: основу родственных связей свойства по мужской линии. Другие помощники снуют тут и там вокруг печи: кровные родственники, соседи, друзья. Но если бы здесь полагались только на такой добровольный общий труд, это могло бы иметь следствием уваливание от дела и провал мероприятия, либо приходилось бы платить за эту работу больше, чем она того стоит. При этом имеет место использование структурного принципа и одновременно его подкрепление. Брачные узы становятся основой выполнения обязанностей повара. Но повар при этом получает вознаграждение; когда работа сделана, ему отдается часть еды, а в случае церемониального события также преподносятся в подарок одежда или другие блага. Это распределение благ укрепляет социальные и экономические узы между группами, причастными к браку. Более того, оно дает повод оказать внимание следующему поколению, позволяя братьям матерей помочь в выполняющей обязанности группе своим «священным детям», потомкам тех женщин, которые ушли замуж из их группы. Ведь по случаю таких мероприятий дядья по материнской линии преподносят особые подарки своим племянникам и племянницам — детям поваров.

Приготовление пищи к большому празднеству требует не только труда, но также и контроля над трудом по ходу процесса. В тикопийской печи жар обеспечивается камнями, нагретыми до вы-

сокой температуры на огне, разожженном в углублении в земле. Пища кладется в это углубление, и сверху печь накрывается слоем листьев. Для получения хороших результатов важно правильно рассчитать время. Дабы не тратить даром топливо и энергию, сырую пищу к тому времени, когда дрова догорят, а камни раскалятся докрасна, нужно уже очистить, отделив от нее все лишнее. Пока готовится пища, необходимо очистить от скорлупы и выжать мякоть кокосового ореха, дабы получить масло, которое затем смешивается с приготовленными овощами для приготовления пудингов. Скребки, чаши, толкушки, листья, деревянные тарелки и различные виды овощей должны быть в надлежащее время собраны, а их использование — скоординировано между двумя-тремя десятками человек, собравшихся вместе, чтобы приготовить пищу. Само же приготовление пищи должно быть встроено в церемониал наряду с другими его фазами. Стало быть, у поваров должно быть некоторое представление о том, как должны соотноситься протекание времени и прогресс их работы. Должны быть какие-то представления о том, как должны быть интегрированы технические процессы, аппарат и усилия, дабы обеспечить достижение результата. Должно присутствовать также и некоторое возложение ответственности за результаты. Оно обеспечивается в рамках структурного принципа. «Обычные люди потихоньку приходят и рассаживаются, — говорят жители Тикопии, — но повар гуляет неподалеку; он ходит и за всем смотрит. Мужчина, дающий пир, не выступает перед собравшимися; он говорит только с поваром; он говорит повару, чтобы тот за всем следил. Он не ругается на собравшихся (если что-то не так); он бранит повара». Основная ответственность не отдается на волю случая и среди поваров. Старшим поваром назначается мужчина, женатый на старшей женщине из родственной группы того мужчины, который устраивает пиршество. Он принимает на себя всю тяжесть управления приготовлением пищи; и он же получает лучший подарок, когда мероприятие успешно завершено.

Вместе с тем, действенность структурного принципа зависит от степени реагирования на него. Здесь вступает в игру личное решение. Например, в таком сообществе мужчина часто связан родством с обеими сторонами, причастными к свадебному церемониалу. Иногда он решает играть роль для обеих сторон. Но чаще он

выбирает оказание помощи какой-то одной стороне. Так обстояло дело в примере, приведенном выше. Мужчина выбрал себе место повара со стороны жениха, а не положение родственника невесты. По всей видимости, его резоны сводились в сущности к тому, что лучше откликнуться на обязательство, пойти и поработать, чем просто сидеть и получать подарки, не прилагая никаких усилий. Его решение разрешает несовместимость двух структурных принципов. Один принцип заключается в том, что в случае общественно значимых событий, когда его линидж вовлечен в них как главная сторона, долг мужчины — пойти и присоединиться к нему. Другой принцип заключается в том, что брачные узы обязывают мужчину в случае общественно значимых событий внести свою лепту в мероприятия по приготовлению пищи, проводимые родственниками его жены. Он может получить некоторую материальную отдачу и от того, и от другого. На Тикопии нет какого-либо еще структурного принципа, на который можно было бы опереться в разрешении этой дилеммы несовместимости. На подмогу приходит сравнительная близость родства. Однако выбор является по существу личным; решение и ответственность за него персональны. Это часть организационной машинерии, посредством которой протекают общественные события.

Перевод В.Г. Николаева

А.Б. РАХМАНОВ

ГАЭТАНО МОСКА – ОТЕЦ ЭЛИТОЛОГИИ

Родоначальник итальянской политической социологии Гаэтано Моска родился 1 апреля 1858 года в Палермо в семье небогатого почтового служащего дворянского происхождения. Окончил университет Палермо, где изучал право. В 1884 была опубликована его первая большая работа «Теории правления и парламентское правление», где впервые формулируется концепция «политического класса». Эта книга осталась, впрочем, незамеченной. С 1885 начал преподавать в своей *alma mater*. Из-за метаюридической (политологической и социологической) ориентации своего мышления Моске в течение долгого времени не удавалось получить место на кафедрах права в известных университетах Италии. В 1887 стал ревизором палаты депутатов парламента Италии. Эта работа позволила ему накопить яркие впечатления о политической жизни, о функционировании механизма итальянского конституционно-монархического государства и парламента. Публикация в 1896 году (на титульной странице был указан 1895) его главного труда «Основы политической науки» («*Elementi di scienza politica*») принесла ему известность в масштабах Италии и позволила занять место профессора университета Турина. Впоследствии работал также в университетах Милана и Рима. Помимо конституционного и административного права преподавал также политическую экономию, впоследствии историю политической мысли и политических учреждений. Активно сотрудничал в прессе.

В 1908 стал депутатом итальянского парламента, где занимал консервативную позицию и прославился как один из двух депутатов, проголосовавших против законопроекта о введении всеобщее-